

УДК 39(470.57)

ББК 63.521(=632.2)

Культ собаки в фольклоре и религиозно-мистических воззрениях башкир

А.Ф. Илимбетова

Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (Уфа, Россия)

The Cult of Dog in Folklore and Religious Mystical Views of the Bashkirs

A.F. Ilimbetova

Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre RAS (Ufa, Russia)

Статья посвящена анализу пережитков культа собаки у башкир, которая являлась одним из почитаемых животных в их древних религиозно-мистических воззрениях. В традиционном мировоззрении башкир лежат идеи тождества и родства человека и собаки, возможности взаимного перевоплощения и отсутствия принципиальной разницы между ними — все это составляет суть древнейших представлений человека о его месте в окружающем мире. В фольклорной прозе башкир имеются мотивы о сожительстве женщины с кобелем и о возможности разрешения женщины от такого брака ребенком или щенком. В родоплеменной этнонимии башкир сохранились мотивы о происхождении отдельных групп башкир от собаки — тотема и тотемического предка. В приметах, поверьях и девичьих гаданиях башкир отчетливо проступают реликты веры, что собака как мифологический родовой предок способствует продолжению рода, покровительствует семье и семейным отношениям, путешественникам, символизирует плодородие, приносит счастье и благополучие. В мифологических сюжетах и магических обрядах башкир имеются отголоски воззрений о собаке как об олицетворении души или вместилище для нее, о способности животного защищать от нечистых сил младенцев, охранять жизнь и души новорожденных. В башкирских легендах и родословных собака фигурирует как священное табуированное животное и объект поклонения. Аналогичные воззрения о собаке обнаруживаются в религиозно-мифологических воззрениях самых различных народов мира.

Ключевые слова: башкиры, собака, культ, верования, фольклор, мировоззрение, традиции.

The article is devoted to the analysis of the remnants of the cult of dog among the Bashkirs. Dog was one of the revered animals in the Bashkirs' ancient religious and mystical views. Traditional Bashkir worldview includes ideas of identity and kinship of human and dog, possibility of mutual rebirth and absence of principal difference between them. The ideas constitute the essence of man's ancient ideas about his place in the environment. In Bashkir folklore prose one can find motifs about cohabitation of a woman with a male dog and the possibility of allowing a woman from such a marriage to have a child or a puppy. The tribal ethnonymy of the Bashkirs preserved motifs about the origin of some groups of Bashkirs from a dog — a totem and a totemic ancestor. In the omens, beliefs and maiden divinations of the Bashkirs one can clearly see the relics of the belief that dog as a mythological ancestor promotes procreation, patronizes family and family relations, travelers, symbolizes fertility, brings happiness and well-being. In mythological plots and magic rites of Bashkirs there are echoes of beliefs about dog as a personification of soul or a receptacle for it, about the ability of the animal to protect infants from evil forces, to protect life and souls of newborn. In the Bashkir legends and genealogies dog appears as a sacred taboo animal and an object of worship. Similar beliefs about dog are found in the religious-mythological beliefs of the most different peoples of the world.

Key words: the Bashkirs, dog, cult, beliefs, folklore, worldview, traditions.

DOI: 10.14258/izvasu(2022)2-06

Культ животных является наиболее важной частью древнего мировоззрения многих народов мира, в том числе и башкир. К почитаемым башкирами животным относилась собака (*эм*), ее образ часто встречается в их фольклоре, традиционных верованиях и обрядности. Изучение традиций почитания собаки дает возможность воссоздать те или иные аспекты этнической истории башкир, а также способствует выявлению исторических и генетических корней их духовной культуры. Целью исследования является анализ культа собаки у башкир во всех его проявлениях в быту и практической деятельности по данным этнографии, фольклора и других материалов. Методологическую основу исследования составил принцип аналитического и ретроспективного анализа фольклорных, литературных и лингвистических источников.

В работе систематизированы и проанализированы историко-этнографические и фольклорно-лингвистические материалы по данной проблеме. Введены в научный оборот новые фольклорные и этнографические сведения, переведенные автором на русский язык.

Исследовав проблему, автор сделала вывод о том, что собака в прошлом играла важную роль в мифоритуальных традициях башкир. Ее образ часто встречается в фольклоре, верованиях и обрядности башкир. К сожалению, вопросам выявления и изучения мировоззренческого комплекса о собаке до сих пор не уделено должного внимания в башкирской этнографии и фольклористике. С целью восполнения этого пробела мы рассматриваем образ собаки в культуре башкирского народа.

В башкирском устном творчестве значительное место занимают мотивы взаимного перевоплощения человека и собаки друг в друга. Общеизвестно, что приписывание животным антропоморфных, а человеку зооморфных свойств является пережитком древнейших тотемических представлений о тождестве, единстве отдельных коллективов (стада) пралюдей и животных-тотемов, о способности их трансформироваться друг в друга. В эпосе «Идукай и Мурадым», сказках «Змей-батыр», «Санай-батыр», «Генерал Хорха», «Царь Караганда и его дочь-богатырка», «Серый щенок» персонажи принимают облик собаки [1, с. 107–108; 2, с. 375, 377; 3, с. 130, 139–141, 349; 4, с. 166–167]. Мнение о возможности взаимозамены человека и собаки просматриваются в том, что башкиры иногда называют одним словом «*көсөк*» и щенка, и маленьких детей, а также подростков [5, с. 350]. Существует обычай давать при падеже скота или перед выходом в дальнюю дорогу милостыню (*хэйер*) пожилым людям, а в их отсутствие — собаке [6, с. 57, 138].

Подобные взгляды на человека и собаку имели широкое бытование в фольклоре, обрядах и обы-

чаях самых различных народов мира. Этот мотив проявляется в поминальном ритуале чувашей. Этнограф середины XIX в. В.А. Сбоев свидетельствует, что чувашаи во время поминок, бросая собакам куски от разных яств поминального стола, обращались к своим усопшим родичам со словами: «Ешь, пей, батюшка, или матушка, или братец, или сестрица».

Сюжеты о первоначальной близости человека и собаки, доходящей до идентификации, обнаруживаются в чувашской антропонимии и алтайской мифологии: у чувашей люди и собаки часто носят одни и те же имена — *Улай*, *Хураç*, *Хураçка* [7, с. 191, 193], а в алтайской антропогонической легенде собака (до обольщения ее Эрликом при сотворении женщины) жила и ела вместе с человеком и не имела ни шерсти, ни когтей, понимала человеческую речь и сама могла ясно передавать свои мысли [8, с. 211]. У тарских татар (Омская область) святой Казыр-ата представлен в образе собаки [9, с. 151].

Согласно узбекскому преданию, мусульманский святой Нажмуддин Кубра из Ургенча своим взглядом мог сделать человека богатым. Однажды некая вдова привела к нему своего сына, но тот убежал, а когда Нажмуддин, подняв закрывающие глаза брови, посмотрел на то место, где стоял мальчик, то увидел там сидящую волшебную собаку [10, с. 167]. В древнеиндийской литературе известен сюжет о женщине, которая в новом перевоплощении родилась собакой. Мотив метаморфозы женщины в собаку содержится в средневековой арабской новелле «Рассказ о царице и семи визирях» [11, с. 11, 273]. В «царских» ритуалах древних хеттов участвовали «звериные», в том числе «собачьи», люди. В первой половине XIX в. у адыгов к мужской части молодежи применялся эпитет — «охотничьи псы». В осетинском сказании один из нартов (Урызмаг) становится псом. По поверьям южных болгар, люди, родившиеся в дни проведения обрядов сурвакарского цикла (от Рождества до Крещения), способны ежегодно преобразоваться в данный период в собак или волков. В кукуерских (масленичных) обрядах тех же болгар участники обхода селения (кукуеры) лаяли по-собачьи. Их называли «*песячи*» — собаки [12, с. 152, 187, 204, 279, 287]. В русской сказке герой обучается у колдуна волшебному искусству перевоплощения, в том числе в собаку [13, с. 175]. В древнеисландской песне «Прорицание вёльвы» (колдуньи) «солнечная девушка» преобразуется в собаку [14, с. 24].

Отождествление человека и собаки последовательно выражено в зороастризме, где собака приравнивалась к верующему человеку. При археологических раскопках в Хорезме находили кости собак в оссуариях — глиняных ящиках, костехранилищах умерших людей. Похороны собаки с теми же почестями, что и людей, описываются в узбекском мифе

о святом Нажмуддине: его чудесную собаку, когда она умерла, завернули в саван и поместили в купольном мавзолее [10, с. 166–167]. Хакасы и селькупы умершую собаку хоронили в могиле, подобно человеку [15, с. 64; 16, с. 252].

Такие воззрения на взаимоотношения животных и человека послужили основой для формирования представлений о возможном родстве человека и животного, генезисе их друг от друга. В фольклорной прозе башкир содержатся мотивы сожительства женщины с кобелем и рождения человека от собаки. В башкирской сказке «Черная собака» кобель, сняв собачью шкуру, оборачивается человеком и женится на девушке [17, с. 248–250]. В легенде, записанной Ф.А. Надршиной в 1986 г. в д. Кужаново Абзелиловского района Башкирии от Т.М. Хидиятовой (1911 г.р.), рассказывается, что некая женщина родила от кобеля близнецов, то ли тройню, то ли четвертню. У младенцев только руки и ноги были человеческими, а головы — щенячьими [18, с. 16]. Эпизоды подмены в колыбели новорожденных на щенят содержатся в сказках «Конь пустыни», «Ведьма», «Юлдыбай-батыр», «Охотник Наурьян», «Черный щенок», «Санай-батыр», «Амин» и др. [3, с. 323, 329, 334, 336–337, 346; 19, с. 235; 20, с. 126–129]. В башкирской разговорной речи сохранилось выражение «*эттэн тыуған*» («собачье отродье») [21, с. 727]. Бытование такого порицания свидетельствует, на наш взгляд, о том, что древние башкиры допускали возможность того, что собака способна разродиться человеком. Об этом же говорит и наличие у айлинских башкир трех родовых подразделений «*этимгэн*» («вскормленный собакой») и четырех — «*көсөк*» («щенок») [22, с. 250; 23, с. 196], у усерган — «*этыыван*» («эт — собака; «*йыван*» — ?) [24, с. 2], у племени кыпсак — «*эткөсөк*» («щенок»), «*этәш*» [22, с. 258; 25, с. 165], у бурзян — «*эталмаç*» («собака не возьмет»), «*барак*» («собака»), «*көсөк*» [25, с. 165; 26, с. 566], у кара-табынцев — «*муйнак*» (собачья кличка: «*муйын*» — шея+«*ак*» — белая) [27, с. 74], у бала-катайцев и улу-катайцев — «*көсөк*» [22, с. 165; 28, с. 144], а также родов и групп «*ноғай*» (монг. «*нохо*» — «собака») в составе племен усерган, бурзян, кыпсак, юрматы, ай, мин; «*һарт*» («сарт») у тамьянцев, катайцев, айлинцев, табынцев, минцев и «*һарт-қалмақ*» («сарт-калмак») у зауральских катайцев [23, с. 111, 114, 188, 189, 195, 221, 247, 303; 29, с. 185, 192, 197, 209]. Этноним «*һарт*» («сарт») С.П. Толстов выводит от словосочетания «*һары эт*» («желтая собака») [30, с. 13–14].

Заслуживает внимания этимологическая легенда о названии деревни *Этимгэн* (Абсалямово) Учалинского района Башкирии. В прежние времена у одной женщины не выживали дети. Ей посоветовали: если родится ребенок, дать ему сосать со-

бачьего молока. Через какое-то время у женщины появился на свет ребенок. Она нашла оценившуюся суку и дала ребенку ее сосать. Ребенок выжил. Его потомки образовали целый аул, которому дали название *Этимгэн* [31, с. 151]. Похожее по содержанию предание было записано Д.Ж. Валеевым среди башкир Аргаяшского района Челябинской области: у старика Ишмухамета из деревни Исянгильды (Сагитово) не было детей. В один из осенних вечеров к нему в дом зашел странник (*мосафир*). Ишмухамет откровенно рассказал ему о своем несчастье. Странник дал ему молитвенник (*доға*) и сказал, что его жена скоро благополучно разрешится мальчиком, которого сразу же необходимо положить вместе с только что появившимися на свет щенками одного помета. Жена Ишмухамета действительно родила ребенка, его подложили к оценившейся собаке и дали имя *Көсөк*. Так появился воспеваемый в народной песне род Кучуковых [28, с. 144].

Несомненно, в основе башкирских этнонимов и топонимов с корнем «*эт*», «*көсөк*», «*ноғай*» и «*һарт*», а также этимологических легенд лежат древнейшие воззрения о собаке-прародительнице или кормилице.

Подобные умозаключения укоренились в устных рассказах алтайских найманов: во время первотворения их предки родились от собаки или появились из головы черной собаки с белыми надбровными пятнами [32, с. 15]. Несколько вариантов преданий о прародителе-кобеле записано С.М. Абрамзоном у киргизов: в них повествуется о том, что во время набега врагов у предков киргизов уцелели лишь дочь хана с сорока подругами и красный пес. Ханская дочь и ее подруги прижили от этого кобеля детей, которые и явились первопредками киргизов [33, с. 287–289]. По другой версии это сказание относится к родословным казахов Большой Орды. В гуннских легендах рассказывается, что их вождь Атилла (V в. н.э.) был зачат венгерской принцессой от кобеля. Этот сюжет присутствует в германско-скандинавском героическом эпосе, где утверждается, что отцом Атти, исторического Атиллы, короля гуннов, была собака. Отцом Бодончара, предка Чингисхана, по монгольским мифам, являлось солнечное божество, которое по ночам приходило к его матери и уходило перед восходом в облике желтого пса [34, с. 69, 96]. С этими мотивами созвучны легенды айнов (о. Хоккайдо, Япония) и эскимосов острова Кадьяк (Аляска, США), в которых за их праотца выдается чудесный кобель, сожительствовавший с женщиной [35, с. 113–115]. Среди корейцев и сегодня существует представление о собаке как о предке [36]. У китайцев есть племя под названием «собака», возводящее свои этногенетические корни к браку между кобелем и китайской принцессой [37, с. 247]. У тех же китайцев зафиксировано предание о том, что вол-

шебный пес Паньгу женился на дочери правителя, их дети стали родоначальниками четырех основных родов китайцев.

В волшебных восточнославянских сказках есть образы тотемического облика: сын собаки [38, с. 52–53]. В русских сказках имеется персонаж Иван Сученко: фамилия героя недвусмысленно показывает на его происхождение от суки — его рождает собака [39, с. 581]. Согласно легенде индейцев племени хуичоль (Западная Мексика), после великого потопа люди размножились от оставшегося в живых единственного мужчины и черной собаки, которая спаслась вместе с мужчиной в лодке. Она могла стать женщиной, сняв с себя шкуру. Мужчина сжигает ее шкуру, и она навсегда остается женщиной. Предание о сожительстве мужчины с сукой зарегистрировано и у индейцев племени кора, соседей хуичоль [40, с. 125–126].

В фольклорных традициях многих народов фигурируют существа с телом человека и собачьей головой. Внешний облик этих мифических персонажей указывает на явную связь их родословий с собакой. В алтайской сказке герой посещает страну, в которой мужьями красивых женщин являются люди с собачьей головой [33, с. 361]. И, наоборот, в хакасском пантеоне имеется божество Сараадай-хан (Желтая собака-царь) с туловищем пса и головой человека [15, с. 62].

В сказочном жанре собака выступает как демоническое животное, опекающее детей: в сказках «*Әбелсәғит*» (Абулсагит) и «Генерал Хорха» люди-собаки спасают новорожденных от дьявольских сил (*ен*) [3, с. 141; 41, с. 195]. В сказке «Черный щенок» говорящая собака находит брошенных в реку близнецов и возвращает их матери. Считалось, что демонические существа боятся даже произношения слова *эт* (собака) и псиного запаха. Поэтому родители, чтобы оградить младенцев от преждевременной смерти, подкладывали их на «выкорм» к сосцам оценившейся суки и давали им обережные двойные имена, например, *Этимгэн* (вскормленный собакой), *Эталмас* (собака не возьмет), *Эттеймэс* (собака не тронет), *Этеймэс* (собака не съест), *Этаяк* (собачье корыто). Такую же нагрузку несли имена *Этбай* (*бай* — богатый), *Этекэй*, *Этембай*, *Эткенэ*, *Эткол* (*кол* — раб), *Эткужа* (*хужа* — хозяин), *Эткусты* (*кусты* — младший брат), *Эт көсөк*, *Көсөк*, *Аккөсөк* (*ак* — белый), *Байгөсөк*, *Карагөсөк* (*кара* — черный), *Көсөкбай*, *Көсөккол*, *Барак* (длинношерстная охотничья собака), *Шанибарак* (*шан* — царь), *Күбэк* (пес), *Ак күбэк*, *Байгүбэк*, *Карагүбэк*, *Ноғай*, *Һарт* и имена от кличек собак — *Алабай*, *Кашкар*, *Муынак* (мужские имена) и *Этбикэ* (*бикэ* — госпожа) и *Көсөкбикэ* (женские имена) [42, с. 92; 43, с. 170]. С этой же целью, чтобы сохранить жизнь новорожденного, на него надевали «собачью рубашку» («*эт күлдэк*» / «*көсөк*

күлдәге»), у которой не подшивались подол и рукава, шивались только бока. Первоначально рубашка накидывалась на собаку, оттого и получила название «собачьей». Самым лучшим материалом для «собачьей рубашки» считалась старая рубашка отца или матери. От собаки она приобретала апотропейные свойства: демонические силы, по мнению верующих, не могли даже приблизиться к ребенку [44, с. 4, 71].

«Собачьи» имена несли магико-охранительную нагрузку и у других народов. Отголосок мотива о родоначальнике, выкормленном собакой, находит отражение в древнебулгарской ономастике, где встречается имя *Этимген* [45, с. 353]. По мнению чувашей, такие имена, как *Анчак* («собака»), *Олай* / *Улай*, *Пизук* и *Хорась* / *Хураç* (клички собак), обладают волшебным свойством ограждения детей от смерти [7, с. 191]. Для защиты ребенка от воздействия злых сил татары, балкарцы и казахи давали новорожденному ребенку такие «собачьи» имена, как *Кучюк* («Щенок») и *Кушикбай*, сибирские татары — *Ит кучук*, киргизы — *Ит-аяк* («кормушка для собаки»), казахи — *Итбай*, *Ит* («Собака»), алтайцы (теленгиты и телеуты) — *Ийт* («Собака»), *Ийт-баиш*, *Ийт-куйрук*, *Ийт-кулак*, *Когюдей-мерген* (эпический герой), шорцы — *Адыяков* (фамилия: от «адый» — собака), хакасы — *Адай* («Собака»), якуты — *Ыт оғото* («Щенок»), *Майтрук*, *Бургас* (клички собак), туркмены и турки — *Эталмас*, *Италмас*, *Итемен*, *Йомут*, буряты, калмыки и монголы — *Ноха* («Собака»), *Нохой*, *Хара Нохой* («Черная собака»), *Эмэ Нохой* («Самка собаки»), *Галзут* («Бешеные собаки»), *Шарайт* («Рыжие собаки»), *Гулгээ* («Щенок»), мордва — *Пиняй*, *Пиняс* («пине» — «собака») [15, с. 63; 23, с. 454; 46, с. 195; 47, с. 417; 48, с. 14; 49, с. 193; 50, с. 208; 51, с. 46].

В прошлом такие имена встречались среди нганасан, осетин, адыгов, кабардинцев, грузин (*Заглика* — «Собака»), бхиллов (Северо-Западная Индия) [12, с. 152; 47, с. 417; 48, с. 14; 51, с. 14; 52, с. 242] и др. У перечисленных народов эти имена выполняли функцию оберегов. В недавнем прошлом люди могли давать «собачьи» имена новорожденным детям в целях устрашения нечистых сил. Но их древнейший пласт прежде всего связан с тотемическими взглядами первобытных людей об общности человека и тотема, когда названия тотема и человека обозначались одним словом. Собачьи имена, преследующие цель уберечь детей от воздействия демонов, могли появиться вместе с формированием представления о тотемических предках, покровителях и защитниках людей.

По народным традициям и убеждениям башкир собака покровительствует формированию и укреплению семьи: например, во время гаданий о предстоящей судьбе девушки выстраивали на полу в один ряд только что обглоданные бараньи бабки (*ашык* /

сөкәлсәй) и, дав каждой из бабок имена участниц ритуала, впускали собаку. По тому, какую кость собака первой схватит зубами, определяли, которая из девушек раньше всех выйдет замуж [24, с. 6].

В свете анализируемой проблемы определенный интерес вызывает сюжет, содержащийся в башкирской сказке «Алтын сабак» («Золотая рыбка»), где чудеснорожденная собака оживляет своего хозяина, присоединив к его шее отрубленную голову и окропив мертвой и живой водой [3, с. 60]. При сопоставлении сказки «Алтын сабак» с мифологическими представлениями других народов, эпизод оживления человека собакой получает несколько иное звучание. Так, душа, по арийским понятиям, изображалась в образе лающей собаки [53, с. 406]. Похожие взгляды бытовали у башкир, чувашей, казанских татар, татар-мишарей, западносибирских татар, карачаевцев и балкарцев. По их мнению, души колдунов и самоубийц способны принимать облик кровожадных демонических существ — *убыр* / *обур* / *вундр*. Они могли вселиться в человека, и он становился «убырлы кеше» или «убырлы карсык» («обжора», «кровосос»). По ночам «убыр» могло покидать тело колдуна через отверстие под мышкой и превращаться в волка, собаку, кошку или огненный шар [12, с. 166–167; 34, с. 560; 54, с. 109]. Представление о превращении души умершего человека в особое существо «*йөр*» преломляется и в суевериях якутов. «*Йөр*» — загробная форма существования человека. Этот «*йөр*», сам по себе безразлично относящийся к участи живых, мог в некоторых случаях делаться очень зловредным и опасным, а потому стремились установить с ним хорошие отношения. Для этого шаман по просьбе человека делал из дерева антропоморфную фигурку, в которую «внедрял» душу умершего, т.е. «*йөр*», а затем помещал его в берестяную коробочку и вешал в переднем углу. Его одевали, украшали, кормили, к нему обращались с просьбами о помощи [55, с. 2]. Можно предположить, что когда-то и предки отдельных групп башкир, по всей видимости, воспринимали душу всякого умершего человека как «убыр» в облике собаки. И только позднее под влиянием страха перед «живым трупом» и «блуждающим духом» умершего или более сильных религиозно-мистических систем они преобразились в зловредные демонические существа.

Такое предположение приобретает еще более весомое обоснование, если принять во внимание бытование в прошлом аналогичных рассуждений не только у индоарийцев, но и у родственных и неродственных, соседних и далеких башкирам народов. Так, по дохристианским верованиям чувашей души покойников во время совершения поминок вселяются в собак. Поэтому и при выносе умершего из дома остаток пищи, которой угощали на по-

сошок у двери всех присутствующих, выбрасывали собакам: если они дружно поедали выброшенную пищу, то это означало, что дух умершего принял жертвенную еду [7, с. 193]. Это одна из ранних форм жертвоприношения духу умершего, водворившегося в собаку (или преобразившегося в собаку), средство его умилоствления. Хакасы верили, что души погибших вдали от родины людей трансформируются в желтых собак [15, с. 88]. Пережитки убеждений о превращении душ мертвых в собак встречаются в религиозных воззрениях тувинцев [56, с. 98] и узбеков [57, с. 114]. У телеутов собака являлась посредником между душами мертвых и человеком. Во время поминальных трапез на могиле они «кормили» *юзют* (духа умершего): небольшую часть пищи клали у огня для *юзют*, и ее съедала собака, которую специально брали с собой. В прошлом обязательное кормление собак после похорон покойника наблюдалось почти у всех этнических групп монголов [8, с. 212]. Собака связана с духами предков у вепсов [58, с. 35]. По суевериям китайцев «*гуи*», неупокоенные души умерших насильственной смертью или самоубийц, не захороненных на родовых кладбищах, могли принимать облик пса и вредить людям. По поверьям армян, души умерших иноверцев, самоубийц, злодеев перевоплощались в собаку или кошку. Они по ночам выходили из могилы и пугали людей, которые от страха или сходили с ума или же умирали. В Белоруссии духов предков («деды») отождествляли с собаками легендарного князя Боя. По поверьям южных славян, души отдельных знаменитых людей могут выйти во время сна и превратиться в духачей — собак, коров и лошадей. В суевериях западных славян богинки — души умерших при родах женщин, девушек, избавившихся от плода или убивших своих детей, могли выступать в облике собак или кошек, похищать и подменять детей [34, с. 96, 160, 165, 181, 220].

Таким образом, в верованиях башкир и других народов Евразии собака фигурирует как воплощение души или в качестве вместилища для души. Рудименты такого воззрения сохранились в лечебной магии башкир. Так, при болезни детей рахитом (*өсйән*) знахарки утверждали, что ребенок имеет три души: одну — человеческую и две — собачьи. При лечении такого больного знахарки громко кричали: «*Эт йәне, сык; кеше йәне кал!*» («Собачья душа, выходи; человечья душа, оставайся!») [59, с. 33]. При болезни ребенка от сильного испуга полагали, что его душа вылетела из тела («*кото оскан*»). С целью водворения души обратно в тело больного совершали обряд «*Кот койоу*» («Отливание души»). Вначале определяли, в чьем облике она покинула тело ребенка. Для этого «отливали душу»: ребенка накрывали платком и с заклинаниями, обращенными к душе:

«...эттан ошаң, эттан кил!...» («...если испугался собаки, приходи от собаки!...»), над его головой выливали в посуду с холодной водой расплавленное олово и наблюдали, какую форму принимает застывший металл. Если фигура походила на собаку, считалось, что младенца именно она и напугала. Выяснив причину испуга, малютку трижды окропляли водой, в которую выливали расплавленное олово, и давали ее выпить. Оловянную фигурку вшивали в тряпочку и вешали на шею ребенка до его полного выздоровления. После этого «душу» хранили в укромном месте до самой смерти человека [6, с. 60–61; 60, с. 110–111]. Здесь ясно выражена идея, что во время сильного испуга душа может покинуть тело человека и вселиться в собаку (или собака может отобрать душу человека); в результате выполнения обряда «*Кот койоу*» душа «возвращалась» в тело больного.

Реликты веры в перевоплощение души человека в момент его смерти в собаку ярко выражены в народных приметах башкир: вой собаки — к покойнику; нельзя слушать вой собаки — жизнь укорачивается [6, с. 149, 150]; вой собаки во дворе — плохое предзнаменование; услышав его, надо сказать: «Вой на свою голову!». Люди старались избавиться от такой собаки [44, с. 64]. В этих предубеждениях и сказаниях проявляются следы тотемического мотива перевоплощения в лающую собаку души, покидающей в момент смерти тело человека. Такие суждения могли сформироваться и на основе представлений о собаке как об «охотнике» за душами (которых она видит) и их «пожирателе», а также «погребателе» мертвецов. В фольклорной памяти башкирского народа сохранилась еще одна примета по случаю смерти человека: «Лай собаки во дворе — к тяжелой дороге души умершего в рай» [61, с. 146]. Здесь чувствуется связь башкирского устного творчества с зороастризмом, утверждавшим сопровождение собакой души мертвого в рай в борьбе с демоническими силами.

В башкирских обрядах и обычаях присутствует и образ собаки — источника жизнеутверждающей силы и целителя. При частой смерти детей в раннем возрасте, чтобы обезопасить жизнь новорожденного ребенка, его протаскивали под брюхом собаки [42, с. 92]. Если ребенок не мог ходить до двух-трехлетнего возраста, говорили, что во время беременности мать, вероятно, пнула собаку, и такого младенца протаскивали под брюхом собаки, или представляли его перешагнуть через щенка, или, наоборот, щенка через ребенка [6, с. 71], или пропускали щенка между ногами малыша [61, с. 63]. В этих традициях отчетливо проступает тотемная сущность собаки: она, по мнению верующих, способна передавать ребенку свое здоровье и качество быстро бегать [44, с. 4]. Данные традиции можно истолковать и как отголоски обрядов инициации.

Воззрения на собаку как на заступника малолетних детей прослеживаются в народной медицине башкир: при тяжелых родах и заболевании детей эпилепсией (*быума*) роженице давали молоко в собачьей миске [61, с. 19], а больного ребенка купали в собачьем корыте. Башкирам был известен и такой способ лечения больных детей: если заболел мальчик, его окуривали дымом от шерсти суки (*кэнтай эт*), если девочка — дымом от шерсти кобеля (*арлан эт*) [42, с. 92]. Окуривание дымом от шерсти собаки применялось и при лечении больного малярией (*бизгэк*) [44, с. 9]. Верили, что к собачьей шерсти не пристанет никакая зараза. Поэтому ношение варежек и носков из собачьей шерсти считалось наиболее надежным защитным средством против болезней. Для избавления от бешенства (*каторок*) пекли на сковороде без масла маленькие лепешки из теста, замешенного на собачьем молоке, обходили с этими хлебцами сорок домов, в каждом доме прикладывали их к ушку котла для варки пищи, а потом кормили ими больного [18, с. 19]. При появлении фурункула под мышкой (*эт имсэге*) к больному месту прикладывали свежеспеченный хлеб, а затем бросали его собаке [62, с. 149]. К ребенку, больному рахитом (*өс йән*), подпускали собаку, чтобы она облизала его живот [6, с. 77]. Башкиры верили, что злокачественная опухоль (*сикан*) рассосется, если дать черной собаке облизать ее [63, с. 229]. При сильном сглазе (*күз тейеү*) грудь ребенка накрывали тонким слоем теста, намазанным маслом, и, продержав примерно полчаса, бросали тесто собаке [59, с. 37]. В основе таких магических приемов лечения больных лежат поверья башкир о том, что собака может перенять на себя болезни детей.

В мистическом мышлении древних людей всяческие бедствия, несчастья и болезни объясняли как происки демонических сил, не воспринимаемых человеческими органами чувств. Их присутствие могли ощущать только неординарные люди (например, ясновидцы, шаманы) и необыкновенные животные, в том числе собаки. Поэтому и в религиозно-мифологических воззрениях многих народов мира собака фигурирует как тотемный покровитель, предстает последовательным защитником от «козней» вредоносной скверны, способным изгонять, отпугнуть и уничтожить их. Согласно верованиям башкир, «четырёхглазые» собаки, т.е. собаки, имеющие надглазные черные пятна, способны видеть нечистую силу, духов болезней и отгонять их от людей и их жилищ [18, с. 18; 64, с. 84].

Эти сюжеты находят соответствия в традициях урало-алтайских, индоевропейских, афразийских, кавказских, тибето-китайских, японских, палеоазиатских, австроазиатских, австронезийских и других народов. Так, по сведениям Н.Д. Конакова, аналогичные суеверия существовали у алтайских тюрков [65,

с. 183]. Тюркские народы Сибири верили, что собака способна видеть зловредных духов и отпугнуть их. Поэтому хакасы и киргизы перед тем, как положить в колыбель новорожденного, клали туда щенка [8, с. 212–213; 15, с. 63]. В семьях алтайцев и якутов, где не выживали дети, очередного новорожденного «выкрадывали» и заменяли его щенком [66, с. 153–155]. В суевериях чувашей проглядывает идея о способности собаки войти в таинственную связь с божествами и охранять человека от нападения нечистых сил. Они верят, что «четыреглазые» собаки чувят и видят *усалов* и *муров*, воплощений злых духов и болезней, лесных духов, духов умерших людей и отгоняют их [7, с. 191, 192, 194]. У бурят, обских угров и коми считалось, что собаки, имеющие светлые пятна над глазами, «четыреглазые», способны видеть всевозможных злокозненных духов и оберегать человека от них [8, с. 212; 65, с. 183]. В бурятском улигере «Аламжи Мэргэн» герой с помощью божественных собак уничтожает мангадхая — 600-головое чудовище. Защитную силу приписывают собаке *вепсы* [58, с. 35].

В «Видевдате», одной из четырех частей священной книги древних иранцев «Авеста», две главы посвящены собаке — животному, обладающему необыкновенной силой в борьбе против мрачного божества Ангро-Майню и его демонов. Там, где находится собака, злые силы отсутствуют [10, с. 166–167]. Взгляда четырехглазой собаки (с пятнами над глазами) боится даже демон смерти Насу [34, с. 390]. Согласно русскому поверью, черная собака в доме спасает от грозы [67, с. 405], т.е. в таком жилище нет чертей для удара молнией Ильей-громовежцем. Осетины использовали собачью шерсть как оберег, отгоняющий демонические силы [68, с. 100]. Собака считалась защитницей от нечистых сил в предрасудках лезгин, адыгов, древних греков, скандинавов, англичан и евреев [65, с. 183].

В башкирских преданиях собака — тотем-покровитель — фигурирует как предводитель предков. В одной из легенд говорится, что в незапамятные времена башкиры были поработены очень сильным киргизским ханом (вариант: туркменским ханом, «могущественным Огуз-ханом»). Хан взял в жены четырех башкирских девушек, но лишь пятая забеременела. Хан сказал: «Если родится сын, то возвращу башкирам свободу». Ханская жена-башкирка родила сразу двух сыновей. Ушли башкиры из-под власти хана, но потеряли дорогу и заблудились. Тогда перед ними явилось удивительное животное: не то волк, не то собака. Шли башкиры за животным три месяца, вышли к большой реке; тут зверь и пропал [23, с. 131; 69, с. 165].

В башкирских материалах просматриваются пережитки идей, где собака покровительствует путешественникам, приносит радость, счастье и богатство

людям, обеспечивает изобилие зерна и плодovitость скота. Башкиры верили, если перед выходом в дальнюю дорогу бросить собаке кусочек хлеба — путешествие будет удачным [6, с. 138]. Этот же ритуал, но уже как благодарственный, совершали башкиры-гайнинцы Пермского края по случаю благополучного возвращения солдата из армии [70, с. 134]. В народе говорят, что нельзя обижать собаку, пересекающую дорогу [71, с. 27]. Башкиры воспринимают встречу с собакой в пути как доброе предзнаменование [72, с. 293]. О забредшей во двор собаке говорили, что она входит со своим добром (*кото менэн килеп керә*) [63, с. 167]. Сходный мотив отражается в интерпретации сна о собаке — он к удачной дороге, встрече с другом, радости (*кыуаныс*) [71, с. 8, 12, 21].

По поверьям башкир, зарытый в землю клад со временем обретает душу (*йән инә*) и может предстать в образе человека, ягненка или собаки. Идя по следу такой собаки, можно отыскать местонахождение сокровища [6, с. 57]. В легенде, опубликованной П.М. Кудряшевым в 1821 г., рассказывается о том, что сокровище болгарского хана, зарытое в подземелье, охраняется черной собакой, прикованной цепями у его входа. Люди, пытавшиеся завладеть этим сокровищем, испугавшись собаки, сходили с ума. По этой причине сокровище болгарского хана якобы до сих пор находится в подземелье, и никто не может завладеть им [73, с. 130].

В беляевской версии эпоса «Куз-Курпяч» имеется описание необычайной собаки, из шерсти которой сыплется белая пшеница. Хозяйка собаки, собрав зерна, готовит угощение для Куз-Курпяча [74, с. 386]. Башкиры почитали собаку и как животное, содействующее скотоводству. Эта роль собаки проглядывается в народной примете: «В год собаки скот расплодится» [75, с. 13, 427] и в поверье: если при отеле коровы бычком плаценту (*сыуын*) бросить на съедение суке, то в следующем году корова отелится телочкой (*орғасы бызау*) [71, с. 19].

Отголоски древних суждений о собаке как о покровителе плодородия и урожая проявляются также в одной из башкирских легенд о том, что некогда на хлебных стеблях было много колосьев. Однажды некая женщина пекла блины, а ее ребенок опорожился. Женщина убрала кал блинами. Аллах рассердился и, решив забрать у человека хлеб, начал срывать колосья. Но собака и кошка попросили Бога: «Лучше заberi у нас, чем у человека его кусок. Ведь он кормит нас». И Аллах оставил на стебле лишь один колос [72, с. 316–317]. Почему бог так поступил? В изложенном выше мифе нет прямого ответа на этот вопрос. Возможно, в нем отразились древние воззрения о собаке как персонификации умирающего и воскрешающего вегетативного божества или духа.

В устных рассказах башкир также проскальзывают представления о связи собаки с земными

и небесными водами. В состав рассказа В.И. Даля «Башкирская русалка» (1843 г.) включено башкирское поверье о превращении в пещере Шульган-Таш дива в каменную собаку, которой подвластны дождевые облака: если ударить ее плеткой сто раз — она издаст глухой вой, тогда в окрестностях пещеры начнется ливень [76, с. 213]. В сказке «*Алтын ашык*» («Золотая бабка», вариант: «*Шагали*») имеются образы водяных собак *Һакколак* («Чуткая») и *Сукколак* («Вислоухая»), которые спасают мальчика от преследующей его старухи-людоедки (*мәскәй*) [3, с. 100–107; 44, с. 57–61].

В предании «*Йылкысытканкул*» («Озеро, из которого вышли кони») описываются отголоски жертвоприношения собаки древними башкирами водяному духу [31, с. 72]. Предания такого же содержания приводятся в статьях П.И. Рычкова «Описание пещеры, находящейся в Оренбургской губернии при реке Белой, которая из всех пещер, в Башкирии находящихся, за славную и наибольшую почитается» (1760 г.) и А.Л. Игнатовича «Башкирская Бурзянская волость» (1862 г.): водяной владыка за свою собаку, пойманную охотником, отдал башкиру табун прекрасных кобылиц и жеребцов [77, с. 23; 78, с. 23]. Вероятно, этот сюжет является рудиментом жертвоприношения древними башкирами собаки водяному божеству или духу, был частью умиловительного обряда.

Таким образом, культ собаки в устном народном творчестве, обычаях и обрядах башкир, как и у других народов мира, имеет древние исторические корни и изначально связан с тотемическим мировоззрением. Оно настолько глубоко укоренилось в исторической памяти людей, что его не смогли вытравить, уничтожить последующие религиозно-мифологические системы. Несмотря на отрицательное отношение шариата к собаке и утверждения, что ее дыхание на расстоянии шестидесяти шагов может осквернить пищу, собака оставалась в сознании мусульман почитаемым и священным животным.

К вышеизложенным этнографическим, фольклорным, лингвистическим и археологическим материалам, подтверждающим этот тезис, добавим, что в родословной (*шежере*) айлинцев, составленной в начале XIX в. башкирским писателем суфистского толка Таджетдином Ялсыгуловым (1767–1838 гг.), встречается человек по имени Тахлаиш, который поклонялся собаке [79, с. 158].

У башкир собака как священное существо была табуированным животным. Ее нельзя было бить, пинать. В противном случае у беременных женщин мог родиться неполноценный ребенок [6, с. 71], а у человека мог заболеть живот [63, с. 253]. В Бардымском районе Пермского края говорят, что если беременная женщина толкнет ногой собаку, то она будет ро-

жать тяжело, а ребенок родится с собачьей шеей и будет постоянно плакать и выть как собака [72, с. 142]. Видимо, в прошлом не одобряли и убийство собаки. Человека, убившего собаку, окружающие люди воспринимали как живодера, жестокого, бездушного человека, его не приглашали на забой скота — мясо будет жестким, невкусным [62, с. 23].

По обычаю башкир, прежде чем есть самим, полагалось кормить собак. По этому поводу имеется следующая притча. В ней говорится, что раньше небо и солнце стояли очень низко. Бог спускал с неба пищу людям, сколько им потребуется. Однако люди никак не могли умерить свою алчность (*һәпсе*), утолить чувство голода. Уязвленный этим, бог разгневался и начал перемещать небо и солнце ввысь. Пока небо и солнце восходили все выше и выше, переполошились собаки и кошки, прося бога, чтобы он остановил подъем неба и солнца, оставил их долю пищи. Бог прислушался к мольбам этих животных. Вот почему сначала надо кормить собаку и кошку, так как мы едим их долю [80, с. 118].

Есть основание думать, что древним башкирам был известен и обычай погребения священной тотемной собаки с соблюдением всех ритуалов похоронного обряда умершего человека, надеясь на ее новое воскрешение. В частности, об этом свидетельствует башкирская сказка «Алебай и его жена», где хозяин похоронил свою любимую собаку Кашкар с почестями на вершине заветного холма, как знаменитых батыров и святых [31, с. 352].

Вместе с тем в фольклорной традиции башкир сохранились отзвуки отрицательного отношения людей к собаке. Беда в одноименной башкирской сказке и в приметах фигурирует в облике собаки [3, с. 376]. В легендах в образе собаки могут быть великаны-демоны (*дью-нярии*) [76, с. 212, 214], лесные духи (*шүрәле*) [44, с. 36], черти (*ен*) [62, с. 27] и бесы (*шайтан*) [72, с. 351, 359, 365]. Считалось нежелательным пересечение дороги собакой [71, с. 39]. Как к «встрече с врагом» интерпретируют некоторые информаторы сон о собаке [62, с. 166]. Наличие в религиозно-мифологических воззрениях башкир этих вредоносных существ еще раз подтверждает существование в прошлом у башкир развитого культа собаки. Они превратились в отрицательные персонажи в ходе становления и утверждения новых религиозно-мистических систем.

Таким образом, в башкирских сказках были популярны сюжеты взаимного перевоплощения человека и собаки друг в друга — образа мышления, вытекающего из идеи тождества человека и собаки. На базе этих умозаключений в устном творчестве башкир сложились мотивы о сожигательстве женщины с кобелем. В сказочном фольклоре и разговорной речи башкир содержатся сведения о возможности разрешения женщины от такого брака

ребенком или щенком. Наличие в родоплеменной номенклатуре башкир этнонимов «эт», «көсөк», «ноғай», «һарт» с соответствующими этимологическими легендами, а также антропонимов с основой «эт», «көсөк», «барак», «күбәк», «ноғай», «һарт» наводит на мысль, что у древних башкир бытовали мифы о происхождении родоначальников отдельных групп людей от суки — прародительницы или кормилицы. В приметах, поверьях и девичьих гаданиях башкир отчетливо проступают реликты веры, что собака как мифологический родовой предок способствует продолжению рода, покровительствует семье и семейным отношениям, путешественникам, символизирует плодородие, приносит счастье и благополучие. В сказочных мотивах оживления собакой героев и обычаях выставления новорожденных к собаке или подкладывания их к ее сосцам, надевания на младенцев «собачьей» рубашки, протаскивания физически недоразвитых детей под брюхом собаки или перешагивания ими через щенка, бросания выпавшего зуба ребенка собаке и иных нашли отражение древнейшие тотемические инициационно-реинкарнационные обряды, направленные на «доделывание», «перерождение», «превращение» ребенка в полноценного человека, «наделение» его желаемыми качествами, присущи-

ми тотемной собаке. В мифологических сюжетах и магических обрядах башкир обнаруживаются отголоски воззрений о собаке как об олицетворении души или вместилище для нее, о ее способности защищать от нечистых сил младенцев, охранять жизнь и души новорожденных. В башкирских легендах и родословных (*шажәрә*) собака фигурирует как священное табуированное животное и объект поклонения. В то же время в сказках имеются отзвуки отрицательного отношения людей к собаке — она ассоциируется с бедой, нечистой силой. Это еще раз свидетельствует о сложном и противоречивом пути развития тотемического культа собаки в религиозно-мифологической системе древних башкир. Связано это с тем, что собаки превратились в отрицательные персонажи в ходе становления и утверждения новых религиозно-мистических систем. Бытование широких аналогий башкирским фольклорным сюжетам, обрядам и ритуалам, связанным с культом собаки, в культуре самых различных народов не только соседних регионов Евразии, но и других континентов, может свидетельствовать не столько об их взаимовлиянии, сколько о единстве путей формирования мировосприятия у древнейших людей на всей ойкумене как представительей единого биологического вида.

Библиографический список:

1. Башкорт халык ижады (далее — БХИ). Тарихи кобайырзар, хикәйтәр (иргәктәр). Өфө, 2000. Т. 5 (на башкир. яз.).
2. Башкирское народное творчество (далее — БНТ). Богатырские сказки. Уфа, 1988. Т. 3.
3. БНТ. Волшебные сказки. Сказки о животных. Уфа, 1989. Т. 4.
4. Мингажетдинов М.Х. Сказки Мавзифы Магафуровны Мингажетдиновой // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1974. Вып. 1.
5. Башкорт теленең һүзлеге. М., 1993. Т. 1.
6. БХИ. Йола фольклоры. Өфө, 1995. Т. 1 (на башкир. яз.).
7. Салмин А.К. Традиционные обряды и верования чувашей. СПб., 2010.
8. Романова С.В. Собака в обрядах и представлениях тюркоязычных народов Сибири // Культурное наследие народов Сибири и Севера. СПб., 2000.
9. Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Культурные персонажи в традициях народного ислама Сибири: к изучению религиозного синкретизма в малых локальных культурных комплексах // Культурное наследие народов Сибири и Севера. СПб., 2004. Ч. 1.
10. Снесарев Г.П. Люди и звери (этнографические поиски в области культа животных) // Советская этнография. 1972. № 1.
11. Синдбад-мореход. Избранные сказки, рассказы и повести из «Тысячи и одной ночи». М., 1988.
12. Карпов Ю.Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб., 1996.
13. Афанасьев А.Н. Древо жизни. Избранные статьи. М., 1982.
14. Старшая Эдда. Древнеисландские песни о богах и героях / ред., вступ. статья и комм. М.А. Стеблин-Каменского. М., Л., 1963.
15. Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан, 2003.
16. Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.
17. БХИ. Экиәттәр. 1-се китап. Өфө, 1976 (на башкир. яз.).
18. Әбйәлил дәфтәре (фольклор язмалары) / Төз. Ф.А. Нәзәршина. Өфө, 2010 (на башкир. яз.).
19. Экспедиция материалдары-2003: Йылайыр районы / Төз. Г.Р. Хөсәйенова, Р.Ә. Солтангәрәева, Л.К. Сәлмәнова, Г.В. Юлдыбаева, Ф.Ф. Ғайсина, һ.б. Өфө, 2006 (на башкир. яз.).

20. Башкирские народные сказки / зап. и перев. А.Г. Бессонова. Уфа, 1941.
21. Башкорт теленең һүзлеге. М., 1993. Т. 2 (на башкир. яз.).
22. Камалов А.А. Башкирская топонимия. Уфа, 1994.
23. Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М., 1974.
24. Полевые материалы автора, 2005 г.
25. Илимбетова А.Ф. О пережитках культа собаки у башкир // Бельские просторы. 1999. № 10.
26. БХИ. Язма кисса һәм дастандар. Т. 7. Өфө, 2004 (на башкир. яз.).
27. Дәүләкән ынйылары. Өфө, 2008 (на башкир. яз.).
28. Вәлиев Д. Арғаяш башкорттарының ауыз-тел ижады комарткылары // Ватандаш. 2001. № 5 (на башкир. яз.).
29. Башкирские шежере / сост. Р.Г. Кузеев. Уфа, 1960.
30. Толстов С.П. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен // Проблемы истории докапиталистических обществ. 1935. № 9–10.
31. БНТ. Предания и легенды. Уфа, 1987. Т. 2.
32. Тютенева С. Алтайские найманы // Проблема этногенеза и этнической истории башкирского народа. Уфа, 2006.
33. Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.
34. Мифологический словарь / гл. ред. Е.М. Мелетинский. М., 1991.
35. Хайтун Д.Е. Пережитки тотемизма у народов Сибири и Дальнего Востока // Ученые записки Ташкентского университета. Сталинабад, 1956. Т. 14.
36. Ким Г.Н. Истории религий в Корее. Ранние формы религий. URL: <http://world.lib.ru> (дата обращения: 31.03.2022).
37. Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1986.
38. Новилов Н.В. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974.
39. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1981.
40. Фрэзер Дж. Дж. Фольклор в Ветхом Завете. М., 1985.
41. Башкорт фольклоры. Тикшеренеүҙәр һәм материалдар. Өфө, 1995. 2 сығарылыш (на башкир. яз.).
42. Илимбетов Ф.Ф. Личные имена как источник при изучении древних верований башкир // Ономастика Поволжья : материалы III конференции по ономастике Поволжья. Вып. 3. Уфа, 1973.
43. Кусимова Т.Х. Исемдәр доньяһында. Өфө, 1991 (на башкир. яз.).
44. Полевые материалы автора, 2000 г.
45. Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967.
46. Жанузаков Т. Социально-бытовые мотивы в казахской антропонимии // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. М., 1970.
47. Коков Дж. Несколько поволжских и других параллелей к адыгской ономастике // Ономастика Поволжья. Уфа, 1973. Вып. 3.
48. Дмитриев С.В. Мотив подмены младенцев в сказках, легендах, преданиях // Фольклор народов РСФСР. Фольклор и этнография. Общее и особенное в фольклоре разных народов. Уфа, 1990.
49. Молчанова О.Т. Мотивированные личные имена у алтайцев // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. М., 1970.
50. Дарбеева А.А. Параллельные формы личных имен у бурят // Антропонимика. М., 1970.
51. Хамаева А.А. К семантике антропонимов бурятских личных имен // Бурятские антропонимы и топонимы. Улан-Удэ, 1981.
52. Пандей Р.Б. Древнеиндийские домашние обряды (обычай). М., 1990.
53. Мифы и легенды народов мира. М., 2000. Т. 3.
54. Салмин А.К. Система верований чувашей. Чебоксары, 2004.
55. Ионов В.М. Орел по воззрениям якутов // Сборник Музея по антропологии и этнографии при Импер. Академии наук. Т. 1, вып. 16. СПб., 1913.
56. Дьяконова В.П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975.
57. Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969.
58. Винокурова И.Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2007.
59. Башкорттарҙың им-том китабы. Дауалау һәм һаҡлау магияһы / Авт.-төз. Ф.Ф. Хисамитдинова. Өфө, 2006 (на башкир. яз.).
60. Бикбулатов Н.В., Фатыхова Ф.Ф. Семейный быт башкир XIX–XX вв. М., 1991.
61. Султангареева Р.А. Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. Уфа, 1998.
62. Экспедиция материалдары-2006: Борай районы. (Материалдар һәм тикшеренеүҙәр) / Төз. Г.Р. Хөсәйенова, Р.Ә. Солтангәрәева, Г.В. Юлдыбаева, һ.б. Өфө, 2008 (на башкир. яз.).
63. һамар, һарытау өлкәһе башкорттарының рухи хазинаһы. Өфө, 2008 (на башкир. яз.).
64. Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. М., 2010.
65. Конаков Н.Д. О братьях наших меньших // Родники пармы : научно-популярный сборник. Вып. 6. Сыктывкар, 2001.
66. Алексеев Н.А. Ранние формы религии у тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск, 1980.
67. Русские пословицы и поговорки / под ред. В.П. Аникина. М., 1988.
68. Чибиров Л.А. Аграрные истоки культа животных у осетин // Советская этнография. 1983. № 1.
69. Назаров П.С. К этнографии башкир // Этнографическое обозрение. 1890. № 1.

70. Мигранова Э.В. Традиции питания башкир-гайнинцев // Башкиры-гайнинцы Пермского края: история, этнография, антропология, этноэкономика. Уфа, 2008.
71. Полевые материалы автора, 2001 г.
72. Тулвинские татары и башкиры. Этнографические очерки и тексты. Пермь, 2004.
73. Кудряшев П.М. Предрассудки и суеверия башкирцев // Башкирия в русской литературе. Уфа, 1961. Т. 1.
74. Беляев Т.С. Куз-Курпяч, башкирская повесть, писанная на башкирском языке одним курайчем и переведенная на русский в долинах гор Рифейских, 1809 года // Башкирия в русской литературе. Уфа, 1961. Т. 1.
75. БХИ. Мәкәлдәр һәм әйтемдәр. Өфө, 1980 (на башкир. яз.).
76. Даль В.И. Башкирская русалка // Башкирия в русской литературе. Уфа, 1961. Т. 1.
77. Игнатович А.Л. Башкирская Бурзянская волость // Оренбургские губернские ведомости. 1862. № 6–9, 12.
78. Рычков П.И. Описание пещеры, находящейся в Оренбургской губернии при реке Белой, которая из всех пещер, в Башкирии находящихся, за славную и наибольшую почитается // Исследователи-путешественники о Башкортостане. XVIII век. Уфа, 2007.
79. Галяутдинов И.Г. «Тарих нама- и булгар» Тажетдина Ялыгулова (лингво-текстологический анализ списков памятника. Грамматический очерк, лексика, сводный текст и перевод). Уфа, 1998.
80. Рухи мираҫ: Свердловск башкорттарының фольклоры. Өфө, 2008 (на башкир. яз.).